

Ю. И. Богорад

НАШ УЧИТЕЛЬ ИВАН ИВАНОВИЧ ЗАРУБИН: ИВАН ИВАНОВИЧ ЗАРУБИН В МОЕЙ СУДЬБЕ

1939 год. Весна. Мы заканчиваем десятый выпускной класс, сдаем все предметы, которые проходили в этом году.

Каждый выпускник уже приблизительно наметил, куда он пойдет дальше, что будет делать.

Я, хотя и знаю математику благодаря нашему учителю, который всех готовил для поступления в технические вузы, подаю бумаги в ЛГУ на филологический факультет.

Конкурс бешеный. Сдаем те же предметы, которые сдавали в школе. Первый экзамен — письменный, не сочинение, а математика. Через день узнаем результат. Бедные филологи. Больше половины отсыпалось. Я получаю пятерку. Дальше уже не страшно. Сдаю остальные экзамены и попадаю туда, куда хотела: отделение этнографии (изучение этнографии народов, говорящих на иранских языках и, в частности, на таджикском).

Аналитическое чтение ведет профессор Иван Иванович Зарубин. Начинаем с текста известной на Востоке сказки о плешивом. Хочется знать содержание, а что же будет с этим плешивым, чем кончится сказка? Но мы упорно сидим на нескольких первых строчках. Проходит занятие, а мы узнаем только про вспомогательный глагол «будан». Потихоньку двигаемся дальше. Теперь мы знаем про глагол-связку «хастан», личные местоимения, местоименные суффиксы, которые присоединяются к различным частям речи и указывают на принадлежность или отношение к лицу, а также про изафет.

Мы сидим, слушаем, а Иван Иванович пускается в грамматические экскурсы по разным языкам. Он удивляется, что мы не задаем ему никаких вопросов, удивляется, что мы не умеем размышлять.

Нас действительно не приучили мыслить самостоятельно. В общем, мы всегда сидели тихо и слушали, а если что-то отвечали или говорили, то сначала думали, потому что боялись попасться на острый язык Ивана Ивановича, а язык у него был как бритва: меткий, точный, язвительный.

Еще мне помнится, как мы иногда хотели что-то записывать из его высказываний, но, когда хватались за бумагу и ручки, он категорично говорил: «Что такое записать? Это значит выкинуть из памяти на бумажку, а потом эту бумажку потерять. Все знания должны откладываться в вашей памяти». (Прошла целая жизнь, а я до сих пор почти ничего не записываю, держу в памяти, включая номера телефонов.)

Хотя мы старались по возможности запоминать то, что говорил Зарубин, вбирать в себя те знания, которые он нам давал, но за бумагу мы все же нет-нет да хватались. Иван Иванович это видел, брал тетрадку, смотрел и спрашивал: «А что тут написано? Я ничего не могу прочесть. Здесь прыгают в разные стороны непонятные буквы. Что это за почерк?». Тогда автор написанного отвечал: «Это мой почерк. Я его хорошо разбираю

и понимаю». На это следовало возражение Ивана Ивановича: «А надо писать так, чтобы другие тоже могли понять».

Действительно, почерк Зарубина был четкий, каждая буква в слове отчетливо выступала, и спутать ее с какой-либо другой было невозможно. Точно так же, как разборчивый почерк, должна была соблюдаться четкость речи. «Нельзя читать как пономарь, да еще себе под нос. Речь должна быть выразительной и без всяких мусорных слов». Одним словом, Иван Иванович требовал отвечать хорошим литературным языком.

Хотя мы старались хорошо учиться, но Иван Иванович, иногда задавал вопрос, на который получал ответ: «Не знаю». «А что такое “не знаю”?» — спрашивал он, и так как мы молчали, то сам отвечал: «Незнание — это первый шаг к знанию, значит — узнавай-те».

Был у нас учебник, но мы плохо в него смотрели, и Иван Иванович нам говорил: «Почаще переворачивайте стиль!».

Что значит «почаще переворачивайте»? А это то, что нужно не забывать листать учебник в обратную сторону, и тогда там можно отыскать то, о чем уже успели забыть.

И мы постоянно искали значения слов в словаре, ведь только заглянешь туда, а через секунду уже забыл. Это не удивляло Ивана Ивановича, и он нам напоминал: «Сделай раз до ста, будет очень просто», т.е. чтобы смотрели в словарь до тех пор, пока слово накрепко не застрянет в нашей памяти. Хотя мы привыкли к методике обучения Ивана Ивановича, но, тем не менее, вопросов задавали мало, а он хотел дать нам как можно больше знаний и постоянно напоминал: «Берите от меня мои знания». Не раз тогда вспоминал он своего талантливого студента Гришу Птицына². Иван Иванович был убежден, что неспособных людей не бывает, просто у всех разная память. Одни запоминают быстро, а другие — медленно. Главное — тренировка, и приводил цитату из Чехова: «Если зайца бить, то он начнет спички зажигать», т.е. тренировка иначе — «дрессировка».

Прошло незаметно два года, и мы стали хорошо разбираться в структуре языка, да и запас слов у нас уже был немаленький.

Неожиданно грянула война. Нас разбросало в разные стороны: мальчиков по фронтам, девочек — по госпиталям.

Иван Иванович, пробыв здесь тяжелую блокадную зиму, был эвакуирован в Таджикистан.

Но вот после 900 дней осады города была снята блокада.

Весна 1944 г. В город стали привозить «рабочую силу» для восстановления разрушенных зданий. Работали и пленные немцы. Мы боялись к ним подходить и разговаривать. Это было запрещено. Их привозили утром на крытых грузовиках и также тихо увозили обратно; они старательно работали, хотя все были истощены.

К осени 1944 г. возвратился университет, который был эвакуирован в Саратов.

Вернулся из Таджикистана и Иван Иванович Зарубин. Начались занятия. В аудиториях было холодно. Мы пилили и кололи дрова для обогрева. Иван Иванович перенес свои занятия на дом. Он неважно себя чувствовал. В нашей группе было тогда 3 человека, иногда он отправлял нас после занятий на «питательный пункт», т.е. в кухню, где нас кормили тем, что там было. Особенно мне запомнился грибной суп.

¹ Стиль — одно из значений этого слова — древнегреческий календарь.

² О Грише, погибшем в блокаду, есть упоминание в книге Б.Б. Пиотровского «Страницы моей жизни» (СПб.: Наука, 1995). Он выступал в Эрмитаже в блокаду со стихами Низами на заседании, посвященном его 800-летию.

На следующий учебный год в нашем полку прибыло. Вернулось еще несколько студентов.

Время шло, и я окончила университет. Это был 1947 г. Три года жизни были отданы работе на войне. Что делать дальше?

Окончивших вузы распределяли. Иван Иванович принял горячее участие в моей дальнейшей судьбе.

Диплом я писала под руководством Зарубина. Он определил тему по этнографии, поскольку был крупным ученым не только в области языкознания (лингвистики) и этнографии, но и мыслителем, философом с невероятно широким кругозором.

Тема моего диплома звучала так: «Свадебные обряды таджиков». Откуда только не извлекала материал. Это были даже старые дореволюционные газеты, журналы.

Загвоздка возникла у меня в предисловии. Здесь нужно было «привешивать» мысли, суждения, обоснование темы. Этого я делать не умела. Я сказала Ивану Ивановичу, что не умею выражать свои мысли. Тогда он сказал: «Напиши хоть что-нибудь, тогда у меня будет материал, который я смогу исправить, дополнить, откорректировать. А когда мне подадут чистый лист и при этом говорят, что ничего не знают и не умеют, тогда я никому ничем помочь не могу».

И так, с помощью Зарубина, моя дипломная работа была завершена и я получила отличную оценку.

Теперь надо было думать о дальнейшем. Иван Иванович знал, что во время блокады погибли мои родители и я осталась одна в квартире, где жили мои бабушки и дедушки. После окончания вуза началось распределение на работу. Молодые кадры отправляли в самые отдаленные уголки Советского Союза.

Иван Иванович понимал, что в этом городе для меня все дорого и лишиться этого было бы нелепо. Он дал мне рекомендацию для поступления в аспирантуру Института языка и мышления при Академии наук.

По инициативе Ивана Ивановича из Института языка и мышления была направлена бумага в ЛГУ для откомандирования меня в аспирантуру данного учреждения. (В кулуарах было сказано: «И охота Вам возиться с жидами?».)

Когда я в очередной раз пришла к Зарубину, он сказал: «Прежде чем учиться дальше, да еще заниматься языком, я должен знать, как ты владеешь своим родным». Иван Иванович устроил мне экзамен. Он дал мне задание пойти в театр и написать рецензию на спектакль.

Как раз в это время у нас гастролировал Московский театр (я сейчас уже забыла его название) с пьесой «Мадемуазель Нитуш». В главной роли была Целиковская.

Когда я принесла рецензию на этот спектакль, Иван Иванович сказал: «Какой живой язык», — и дал мне следующее задание. Теперь я должна была пойти на защиту докторской диссертации Нияз-Мухаммедова. В скором времени я принесла описание этой процедуры в юмористических тонах.

Летом началась усиленная подготовка к вступительным экзаменам. Нужно было сразу сдавать два кандидатских минимума (иностранный язык и философию).

Сдача иностранного языка не представляла трудности. Я взяла книгу Вамбери, известного венгерского этнографа, о его путешествии по Средней Азии, и благополучно сдала экзамен на «отлично».

Совсем другое было с философией. Надо было знать историю философии; особый упор делался на философию материалистов, а также знать современную марксистско-ленинскую философию.

Все лето я просидела над книгами. Когда стала сдавать экзамен, после ответа по билету мне задали дополнительный какой-то каверзный вопрос, на который я, по мнению комиссии, недостаточно полно ответила и мне выставили оценку «удовлетворительно».

В то время Иван Иванович уже не ходил на работу ни в университет, ни в Институт языка и мышления, ни в Институт этнографии. Он занимался дома со студентами и продолжал писать научные труды для учреждений, в которых числился.

Наступила поздняя осень, пришло сообщение из Москвы о результатах зачисления в аспирантуру бывших студентов. Пришла бумага и на меня, где было сказано: «Не утвердить из-за недостаточной подготовки по историческому и диалектическому материализму». Я со слезами пришла к Ивану Ивановичу. Он лежал на диване. Около него стоял столик, на котором были разбросаны леденцы-«сосульки» и стояла бутылка сухого вина. Когда я дошла до дивана, слезы ручьем полились из моих глаз. Иван Иванович достал из кармана большой мужской носовой платок и принялся утирать их, затем заставил отпить немного вина и стал расспрашивать. Я не могла понять, почему с такой же тройкой приняли в аспирантуру одну из наших выпускниц, а меня не утвердили. Тогда Иван Иванович совершенно спокойно сказал: «Не надо расстраиваться по поводу того, что Юлю не утвердили, а Акулю приняли. Я остаюсь твоим научным руководителем. Твоя “тройка” по философии засчитывается как сдача кандидатского минимума. Тебе не надо будет ходить на политзанятия, ты выиграешь во времени, сдашь только кандидатский экзамен по специальности».

Еще о необыкновенной человечности и заботе Зарубина о бывших студентах и аспирантах.

Иван Иванович всегда старался устроить дальнейшую судьбу своих учеников и учениц. Так, вернувшись из эвакуации со своими блестящими ученицами В.С. Соколовой и В.С. Расторгуевой, он устроил их на работу в систему АН — одну в Москву, а другую — в Ленинград.

Когда я окончила обучение и получила диплом кандидата наук, Иван Иванович стал думать о том, что мне надо окончить еще один вуз по одному из западных языков.

Он уже видел перспективу моей будущей работы. Имея еще один диплом по западному языку, я смогу писать учебники, составлять словари. Например, таджикско-немецкие или немецко-таджикские или таджикско-английские и наоборот. Работы непочатый край.

Иван Иванович всегда говорил и считал, что востоковед должен знать не менее трех западных языков, чтобы свободно пользоваться трудами западных ученых-иранистов. Я, еще будучи студенткой, все никак не могла приняться за изучение французского языка. И однажды со мной приключился казус. Иван Иванович попросил меня ознакомиться с небольшим очерком Бонелли, касающимся одного из диалектов персидского языка. Я отправилась в Институт востоковедения, прочла этот очерк и, придя к Ивану Ивановичу, изложила его содержание. Заглавие очерка гласило: «Encore del Volgare persiano». Я, не подумав и не посмотрев в словарь, ляпнула: «Какое-то странное заглавие у этого очерка — “Якорь народного персидского языка”». Вот тут-то Иван Иванович не выдержал, взял меня за косу, подвел к шкафу, где стояли словари, велел вытащить словарь французского языка, ткнул меня носом в слово «encore» и сказал: «Вот что значит не выучить французский язык; если бы ты знала французский язык, то не говорила бы такие глупости».

С тех пор я на всю жизнь запомнила это слово, перевела правильно заглавие: «Еще о народном персидском языке», — но французский так и не выучила.

О человечности этого, казалось бы, суховатого с виду человека можно говорить бесконечно. Когда я была тяжело больна и он об этом узнал (а он тогда уже не выходил из дома), то немедленно послал свою любимую ученицу В.С. Соколову навестить меня в больнице.

А сколько он делал добра для своей аспирантки Р.Р. Неменовой. Она была не ленинградка, жила с семьей в Сталинобаде (Душанбе). Он вызвал ее в Ленинград, поселил в своей квартире, выделил ей маленькую комнатку, которую называл «мурья» (в квартире было всего четыре небольшие комнаты). Неменова просидела в ней около года, пользовалась библиотекой Ивана Ивановича и его постоянной консультацией, пока не написала свой научный труд.

Его прекрасные человеческие качества распространились не только на его учеников и учениц, но и на родственников.

Как-то, вернувшись из командировки, его племянница оказалась временно с маленьким ребенком без жилья, Иван Иванович пустил ее пожить к себе, и она пробыла у него около года. Иногда Иван Иванович подтрунивал над малышом, который научился самостоятельно ходить в туалет: «Мишка-вирус взял папирус и отправился в сортирус» (малыша звали Миша).

Еще у Ивана Ивановича была домработница Тоня. Оказывается, он ее взял случайно с улицы, узнав, что у нее трое детей и она без работы. Тоня прослужила у Ивана Ивановича несколько лет.

Можно еще рассказать об одном эпизоде из моей жизни. Окончив ЛГУ, я работала в школе, преподавала немецкий язык, в конце 1940-х — начале 1950-х гг. филиал Института языкознания АН в Таджикистане организовал ряд научных экспедиций для изучения языка, этнографии, фольклора населения высокогорных районов. Меня включили в состав экспедиций. Иван Иванович их возглавлял. Высокогорный район, куда я должна была ехать, располагался в пограничной зоне. Туда нужен был пропуск. Школа, где я работала, не имела ни малейшего отношения к Академии наук и ее сотрудникам. Естественно, что она не могла ходатайствовать о выдаче мне пропуска.

Тогда Иван Иванович пошел вместе со мной к президенту АН, физику, представился, сказал, что работает 30 лет в системе АН, а я его ученица и мне нужно ходатайство от АН в бюро пропусков для поездки в погранрайон Таджикистана. Этот академик тут же попросил свою секретаршу напечатать такую бумагу и я, не имевшая в тот момент формально отношения к АН, получила благодаря Ивану Ивановичу это ходатайство, а в дальнейшем и пропуск.

Когда мы возвращались обратно, Иван Иванович сказал: «Вот что значит люди старого поколения, им достаточно слова поручителя. Если я работаю в системе Академии наук, а ты моя ученица, то это и есть поручительство. Никаких бумажек больше не надо. Главное — слово. А как раньше договаривались купцы? Слово — и по рукам. Этого было достаточно для купеческой сделки».